

АНАЛИЗ РОССИЙСКОЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ СО СПЕЦИАЛЬНЫМ СУБЪЕКТОМ

В статье на основе разрабатываемого криминологического-правового подхода рассматривается специальный субъект преступления как носитель социального статуса и роли, описание которых содержится в диспозиции нормы Особенной части УК РФ. Обосновывая тезис о повышенной общественной опасности преступлений, совершаемых посредством использования социально-ролевых возможностей либо невыполнения (ненадлежащего выполнения) социальной роли вопреки установленным правилам поведения, автор ставит вопрос о выявлении тенденций и особенностей уголовной политики государства в отношении указанных деяний. Анализируются правотворческая и правоприменительная составляющие российской уголовной политики в указанной части. Даются предложения по возможной оптимизации правотворческой и правоприменительной составляющих уголовной политики в отношении рассматриваемой категории преступлений.

Ключевые слова: криминологический-правовой подход; специальный субъект преступления; социальные статус и роль; уголовная политика; специализация уголовного закона; наказание.

On the basis of criminological and legal approach, the author examines the special subject of the crime as the bearer of social status and role, the description of which is contained in dispositions of norms of the Special part of the criminal code. Substantiating the thesis, usually of the social danger of the crimes committed through the use of social-role opportunities or non-execution (improper execution) social roles contrary to the rules of conduct, the author raises the question about identifying trends and patterns of criminal policy of the state in respect of these acts. Given the existing definitions of its concepts, content, forms and methods of implementation examines law-making and enforcement components of the Russian criminal policy in this respect. Based on the results of the study, the author formulates proposals for possible optimization of the law-making and enforcement components of the criminal policy in relation to categories of crimes.

Keywords: of criminological and legal approach; special subject of the crime; the social status and role; criminal policy; specialization criminal law; punishment.

Преступления со специальным субъектом образуют значительную часть всех деяний, составы которых закреплены в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации [36] (далее – УК РФ) 1996 года. На февраль 2017 года их доля от общего числа преступлений составляла 51,5%, и в связи с последними изменениями закона она была увеличена за счет криминализации ряда деяний, предполагающих наличие специальных признаков у их субъектов.

Рассматриваемые преступления посягают на абсолютно разные объекты уголовно-правовой охраны. Абсолютно разными являются и специальные признаки субъектов

этих преступлений. В то же время их анализ приводит к выводу, что каждый из закрепленных в уголовно-правовой норме специальных признаков субъекта преступления есть не что иное, как его социальные статус или роль.

Отсюда с криминологической точки зрения преступление со специальным субъектом следует рассматривать как деяние, совершенное путем противоправного использования субъектом социального статуса или невыполнения (ненадлежащего выполнения) социальной роли вопреки установленным пра-

© Караваева Ю.С., 2019

вилам поведения, в том числе нормативного характера.

Криминологическое-правовое значение социальных статусов и ролей определено их влиянием на общественную опасность специального субъекта преступления и совершенного им деяния. Повышение общественной опасности связано с тем, что вытекающие из статуса или роли возможности облегчают совершение посягательств на определенные уголовно-охраняемые объекты, недоступные неспециальным субъектам, или делают его совершение возможным в принципе, в том числе за счет криминальной эксплуатации ожиданий общества (экспектаций) определенного позитивного поведения от субъекта, соответствующего его социальному статусу или роли.

С учетом изложенного представляет интерес выявление тенденций и особенностей деятельности государства по противодействию указанным преступлениям в части уголовной политики. Последняя в литературе определяется неоднозначно, однако представляется справедливым замечание А.И. Александрова: «То, какой власти хочет видеть преступность, и каким способом она готова привести преступность в это состояние, и есть уголовная политика государства. Уголовная политика — это отношение власти к преступности» [2].

Указанная позиция напрямую обозначает связь между уголовным правом, уголовным законом и деятельностью по противодействию преступности.

Содержание уголовной политики образцовано «...установлением самих принципов и иных общих положений уголовного законодательства; оснований и пределов преступности и наказуемости конкретных видов деяний; общих начал и специализированных правил назначения наказания совершившим преступления лицам; оснований и пределов освобождения от уголовной ответственности и наказания» [28]. Отсюда формами реализации уголовной политики выступают, с одной стороны, законодательная деятельность по нормативному наполнению каждого из перечисленных направлений, а с другой — «...применение норм материальных и процессуальных отраслей права криминального цикла» [22]. Выделяются и такие формы реализации, как деятельность «...по профилактике и предупреждению преступности, правовому воспитанию граждан и развитию правовой культуры и преодолению правового нигилизма» [1], «акты толкования уголовно-правовых норм» [13].

Сообразно содержанию и формам уголовной политики выделяются методы ее реализации — криминализация, декриминализация, пенализация, депенализация, дифференциация и индивидуализация ответственности, акты толкования права.

Как правило, именно из особенностей содержания, форм и методов реализации учеными делается вывод об актуальном состоянии уголовной политики в целом, безотносительно к определенной группе деяний, либо в определенной части применительно к преступлениям конкретного вида. При этом тенденции, выявляемые на общем уровне, имеют место на уровне особенном; это соотношение выполняется и для уголовной политики применительно к преступлениям специальных субъектов. Отсюда кризисное состояние, поразившее современную уголовную политику России, характеризует и отдельные ее части, в том числе — уголовную политику в отношении преступлений со специальными субъектами.

Так, о неблагополучии в правотворческой составляющей деятельности свидетельствует «...одновременная пробельность и избыточность криминализации деяний», «социальная и криминологическая необоснованность некоторых предписаний УК РФ» [29].

Применительно к преступлениям со специальным субъектом правотворческая деятельность характеризуется продолжающимся движением законодателя в направлении специализации уголовного закона. Об этом свидетельствует динамика криминализации деяний, совершаемых субъектом в связи со своим социальным статусом и ролью. Так, за период с 1996 года по февраль 2017-го число соответствующих норм Особенной части УК РФ выросло со 130 (при общем количестве статей — 256) до 179 (при общем количестве статей — 349)*. При этом далеко не каждое нововведение получает положительную оценку ученых. Например, в отношении новых видов мошенничества, введенных статьями 159.1–159.6 УК РФ, высказаны замечания об отсутствии реальной социальной потребности в подобном изменении уголовного закона [11]. В то же время, как отмечает И.Н. Сенякин, «цель правовой специализации — наиболее полно и точно охватить всевозможные особенности, новизну и динамику развиваю-

* При подсчете учитывались нормы Особенной части УК РФ, содержащие основные составы преступлений со специальными субъектами.

щихся общественных процессов, определить качественное состояние таких преобразований», притом, что «специализация закона не самоцель...» [32, с. 2].

Специальным нормам уголовного закона придается значение «традиционных средств дифференциации ответственности», применяемых законодателем с учетом «типовой степени общественной опасности деяния» и направленных на «...ограничение судейского усмотрения... : чем больше сфера дифференциации, чем подробнее регламентировал законодатель усиление и ослабление ответственности, тем меньше сфера индивидуализации и свободы правоприменителя действовать по своему усмотрению. И наоборот» [16, с. 14].

Анализ специальных норм, введенных в Особенную часть УК РФ 1996 года за последние пять лет, показывает, что в большинстве случаев законодатель преследовал именно цель дифференциации ответственности за совершение деяний путем использования социального статуса и роли. При этом мониторинг статистических данных о состоянии преступности позволяет сделать вывод об отсутствии реальной социальной потребности в криминализации существенной части этих деяний. Например, с момента своего появления ни разу не применялись нормы статей 172.1, 212.1, 217.1, 217.2, 235.1, 243.1, 243.3, 271.1, 330.1 УК РФ. Случаи применения другой части норм носят прецедентный характер: так, за период 2013–2015 годов по статье 173.1 УК РФ было осуждено всего 20 человек, по статье 173.2 – 7 человек, по статье 193.1 – 9 человек, по статье 243.3 – 10 человек, по статье 330.1 – 1 человек, по статье 330.2 – 2 человека.

Следует полагать, что не будут применяться статья 230.1 «Склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте» и статья 230.2 «Использование в отношении спортсмена субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте» УК РФ. Поскольку соответствующие уголовно-правовые нормы вообще не применяются, можно констатировать, что они имеют имитационное значение. Результатом их введения выступает скорее усложнение уголовного закона и его перенасыщенность нормами казуального характера, чем предупредительный эффект и способствование делу противодействия преступности. Поэтому оптимизация правотворческой составляющей уголовной политики применительно к преступлениям специальных субъектов требует, в первую очередь, более

внимательного отношения к криминализации соответствующих деяний и строгого исполнения разработанных уголовно-правовой теорией требований и правил. Очевидно, что конъюнктурность законодательной деятельности в принципе недопустима, тем более в уголовно-правовой сфере, связанной с наибольшими возможностями ограничений конституционных прав и свобод личности.

Наряду с правотворчеством в кризисном состоянии находится и вторая составляющая современной уголовной политики Российской Федерации – правоприменение, о чем свидетельствуют показатели уровня рецидива, динамика преступности в целом и ее отдельных видов в частности, увеличение массы латентных деяний. Адекватность уголовной политики социальным требованиям и ожиданиям определяется реакцией государства на совершенное преступление, и эта реакция должна не только фиксировать законные интересы преступника и потерпевшего, но и максимально учитывать позицию общества. Речь идет, в первую очередь, об эффективности наказаний, предусмотренных законодательно и назначаемых судами на практике, в данном случае – за преступления со специальным субъектом.

Наказание представляет собой уголовно-правовую оценку той или иной формы поведения, запрещенной уголовным законом, ее общественной опасности [12, с. 28], и в силу жесткой связи между преступлением и наказанием [19, с. 109] предопределяется качественными особенностями конкретной противоправной формы поведения.

Процентное повидовое соотношение всех видов наказаний, установленных за совершение преступлений со специальным субъектом, выглядит следующим образом: наказания, связанные с изоляцией от общества, – 119% (из них лишение свободы – 86%; арест – 19%; ограничение свободы – 14%); наказания, связанные с привлечением к труду, – 88% (из них принудительные работы – 55%; обязательные работы – 18%; исправительные работы – 15%); штраф как основное наказание – 49%; лишение права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью как основное наказание – 8%, как дополнительное – 36%; воинские наказания – 11%*.

* Поскольку среди уголовно-правовых санкций за указанные виды преступлений имеются альтернативные и кумулятивные, то сумма показателей не может быть равной 100%.

Таким образом, среди законодательных мер наказания за преступления со специальным субъектом доминируют лишение свободы, принудительные работы и штраф.

Как известно, в содержании санкции уголовно-правовой нормы — видов, размеров или пределов наказания — выражаются представления законодателя о «типичном» [34] характере общественной опасности преступления [3] и об общественной опасности личности преступника [37].

Следовательно, по мысли законодателя, в большинстве случаев личность специального субъекта преступления и его преступное деяние представляют такую общественную опасность, которая несовместима с пребыванием виновного в обществе. Кроме того, предусматривая почти в половине случаев наказание в виде штрафа, законодатель, по-видимому, руководствовался корыстной составляющей в субъективной стороне преступлений со специальным субъектом.

В уголовно-правовой теории является признанным положение о необходимости соответствия вида наказания характеристикам совершенного преступления, что выступает условием его эффективности в каждом конкретном случае. Так, З.А. Тадевосян обращает внимание на мотивы преступления, которым должно соответствовать назначаемое наказание [35, с. 128]. На «адекватность отражения объектов уголовно-правовой охраны» целям наказания и тесную с ними связь указывает О.Н. Бибики, выделяя при этом цели наказания, выступающие основными «по отношению к определенной категории преступников и конкретному наказанию» [6, с. 167–168].

Кроме того, в правовой литературе высказано мнение об учете в санкциях уголовно-правовых норм повышенной общественной опасности деяний, совершаемых лицами с определенным статусом [7].

Анализ статистического материала за период 2011–2015 годов показывает, что правоприменительная оценка общественной опасности отдельных видов преступлений со специальным субъектом мягче законодательной оценки, поскольку, во-первых, фактически назначенное наказание чаще всего связано с наименее суровыми мерами — штрафом и условным осуждением. При этом штрафным санкциям, как правило, подвергаются субъекты, совершившие преступления с использованием своего служебного или должностного социального статуса, а эффективность условного осуждения сле-

дует оценивать в свете установленного факта высокого уровня повторной преступности условно осужденных [8].

Во-вторых, в случае, если лишение свободы все же назначается в качестве наказания, то его срок чаще всего не превышает 3 лет.

В целом это подтверждает одно из частных утверждений: «Если невозможно оправдать, условно осудить, назначить, по сути, символическое наказание, судебная практика ориентируется на нижний предел санкции в виде лишения свободы статей гл. 30 УК РФ» [27]. Характерно, что из всей массы специальных субъектов, осужденных к лишению свободы, 79% совершили преступления в семейной сфере и неосторожные преступления в профессиональной сфере или по роду деятельности. При этом 14% из них — это так называемые «алиментщики» (статья 157 УК РФ), 63% — водители транспортных средств, нарушившие правила дорожного движения (статья 264 УК РФ).

Складывается картина, вполне соответствующая выводу М.М. Бабаева и Ю.Е. Пудовочкина о том, что «именно маргинальная преступность сегодня в наибольшей степени поддается социальному контролю со стороны правоохранительных органов, в то время как преступность иных социальных групп (прежде всего, управленцев коммерческих предприятий, должностных лиц, иных представителей высшего и даже среднего класса), как правило, остается вне поля зрения государства» [5]. «Избирательность» российского правосудия обуславливает фактический «некарательный» характер современной карательной политики, поскольку, как правило, совершаемые врачами, учителями, работниками Государственной инспекции безопасности дорожного движения преступления в большинстве своем имеют небольшую и среднюю тяжесть, а личность виновного часто не относится к типу злостного преступника.

В то же время только тогда, когда уголовное преследование будет направлено против лиц, чьи деяния причиняют серьезный ущерб интересам государства и общества, можно требовать приоритетного назначения лишения свободы за указанные преступления со специальным субъектом.

Кроме того, анализ судебной статистики за 2011–2015 годы показывает, что к уголовной ответственности, в том числе с отбыванием реального наказания, не было привлечено от 41% до 47% специальных субъектов

преступления. В их число входят условно осужденные, освобожденные от наказания, оправданные и лица, в отношении которых уголовные дела прекращены*. С юридической точки зрения перечисленные обстоятельства свидетельствуют о том, что правовая оценка совершенного преступления и порицание виновного имели место. Однако с позиции общества указанные меры воспринимаются как отсутствие наказания за совершение преступления. Иными словами, именно так в обществе рождается представление о правовой безнаказанности лица — «самого опасного», по мнению М.Д. Шаргородского, «с точки зрения эффективности наказания явления» [40, с. 75].

Как справедливо отмечает И.В. Смолькова, «главным условием сокращения сферы применения уголовного наказания» выступает тенденция к постоянному снижению роста преступности [33, с. 4]. Согласно ведомственному учету числа зарегистрированных преступлений, общий уровень преступности за 2011–2015 годов неуклонно снижался [26], причем в науке подобная динамика обоснованно подвергается сомнению [17]. В то же время, исходя из судебной статистики по преступлениям со специальным субъектом, количество осужденных за совершение преступлений такой категории возросло с 9% от общего числа осужденных по всем статьям УК РФ в 2011 году до 13% в 2015 году. Основу указанной динамики составляет, в том числе объективный рост количества совершенных деяний данной категории.

Таким образом, если в правотворческой составляющей уголовной политики превалирует тенденция ужесточения ответственности специальных субъектов преступления, то в правоприменении можно наблюдать диаметрально противоположную тенденцию, поскольку в отличие от законодателя российское правосудие, по-видимому, склонно связывать достижение целей наказания и уголовной ответственности в целом с условным осуждением и взысканием суммы штрафа в доход государства. Это позволяет некоторым ученым ставить вопрос о легализации возможности «откупиться» от уголовной ответственности [10], а населению — делать выводы о законно-

сти судопроизводства*. Очевидно, что в целом это напрямую отражается на эффективности уголовно-правового противодействия преступлениям специальных субъектов.

По нашему мнению, политика судов в части назначения наказания за преступления со специальным субъектом должна исходить из целесообразности сочетания видов наказания имущественного характера (штрафа) со специальными его видами. При этом в каждом случае распределение основного и дополнительного значения между ними должно находиться в зависимости от характера и обстоятельств совершенного преступления, а также личностных особенностей виновного. Что касается размеров штрафа, то заслуживает внимания высказанное в литературе мнение о необходимости ориентироваться при определении суммы штрафа на сумму материального ущерба, причиненного преступлением [30].

Иными словами, возможность для реализации карательного потенциала наказания в виде штрафа имеет место в случае, когда оно сопряжено с исполнением дополнительного наказания либо само выступает в указанном качестве. Данное суждение не ново для науки [39, с. 52], однако на практике ему не придается серьезного значения. Так, в 2015 году за преступления со специальным субъектом в 8% случаев штраф назначался в качестве основного наказания, и только в 3% случаев — в качестве дополнительного наказания, при этом, как правило, за совершение преступлений в сфере экономической деятельности.

Под тем же углом следует рассматривать вопрос о применении лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, а также лишения специального, воинского звания, классного чина и государственных наград. Так, применительно к первому из названных видов наказаний Н. Мирошниченко констатирует, что «суды не видят препятствий к его применению при отсутствии непосредственной связи механизма совершения преступления с занимаемой субъектом должностью, выполняемой работой или реализацией специального права» [23].

* Согласно результатам исследования, проведенного автором в 2013–2015 гг., 78% респондентов из числа жителей г. Омска согласились с утверждением, что от уголовной ответственности сегодня можно откупиться, тогда как 60% опрошенных судей выразили несогласие с ним. Прежде всего вопрос подразумевал незаконные механизмы (например, взяточничество), однако считаем уместным привести результаты анкетирования здесь.

* Имеется в виду прекращение уголовных дел по нереабилитирующим основаниям: амнистии, примирению с потерпевшим, деятельному раскаянию, другим основаниям.

В связи с этим представляется сложным найти объяснение невниманию судов к данному виду наказания при осуждении за преступления со специальным субъектом. Как правило, оно назначается в качестве дополнительного наказания. Так, в 2015 году доля соответствующих приговоров по преступлениям со специальным субъектом составила 96%, причем большая часть из них вынесена в отношении лиц, осужденных по статье 264 УК РФ. В качестве основного наказания рассматриваемый вид назначался в минимальном количестве случаев — 0,2%. При этом следует напомнить, что данный вид наказания в 8% случаев предусмотрен санкциями Особенной части УК РФ 1996 года в качестве основного наказания за преступления со специальным субъектом, и в 36% случаев в качестве дополнительного.

Что касается лишения специального воинского звания, то случаи его применения следует признать не менее чем прецедентными. Так, в 2015 году доля соответствующих приговоров составила 0,03% от общего числа приговоров по преступлениям со специальным субъектом; в 2014-м — 0,03%; в 2013-м — 0,001%; в 2012 году — 0,1%.

Карательный потенциал этого вида наказания заключается в лишении виновного особого доверия, которое в свое время стало основой присуждения специального воинского звания, классного чина и государственной награды. Самим фактом лишения указанных званий демонстрируется не только утрата этого доверия, но и умаляется значение конкретных заслуг виновного — оно как бы перекрывается проявившимися асоциальными чертами преступника. Как пишут И.М. Гальперин и Ю.Б. Мельникова, основанием применения данного вида наказания служит вывод об утрате виновным способности соответствовать званию по «своим морально-политическим и деловым качествам» [9, с. 65], о чем свидетельствует характер и обстоятельство совершенного преступления.

Выводы исследователей сводятся к тому, что вышеназванный вид наказания выступает достаточно суровой мерой воздействия на виновного [21], что обусловлено еще одной его составляющей — его применение влечет лишение соответствующих привилегий материального характера: различного рода выплат, пособий и пр.

На наш взгляд, преимущество указанных специальных видов наказаний состоит в воздействии их на нравственный аспект личности виновного. По характеру своего воз-

действия на виновного они во многом сходны с позорящими наказаниями, которые применялись по дореволюционному уголовному законодательству России. Эффективность указанных видов наказаний может быть обоснована с позиции статусно-ролевой теории. В частности, согласно Т. Шибутани, на поведение человека в значительной степени влияет его самооценка, т. е. оценка самого себя «...внутри некой иерархической системы» [41, с. 364]. Самооценка воплощается в чувстве собственного достоинства личности, на формирование которого существенное воздействие оказывает социальный статус, а также личный статус — позиция индивида в первичной группе, состоящей из близких, значимых для него людей [Там же, с. 366–367]. Чувство собственного достоинства и самооценка неразрывно связаны с феноменом личной определенности — устойчивых представлений личности о себе, «устанавливаемой только в связи с остальным обществом», т. е. посредством статуса и роли. И это верно, поскольку статус рассматривается как социальный процесс: «человек может иметь статус только в отношении к другим, которые признают его место и обращаются с ним определенным образом» [Там же, с. 185].

Криминологическое значение выводов социологической науки заключается в том, что применение рассматриваемых видов наказания имеет гораздо большее значение для личности осужденного, чем то, которое вытекает из сопутствующих правоограничений трудового и имущественного характера. Осужденный лишается ориентира, определяющего его представления о себе и представления окружающих, подрывается его самооценка и чувство собственного достоинства в целом. Это тем более важно, что часто отношение к человеку определяется «тем положением, которое он занимает, совершенно независимо от его личных качеств» [41, с. 185]. Кроме того, место статуса в социальной иерархии тесно связано с понятием «престиж»: «...различные роли оцениваются с позиции их относительной важности и существуют правила о том, как обращаться к людям, занимающим различные позиции» [Там же, с. 54].

Учитывая специфику личности специального субъекта преступления, которая в целом соответствует принятым в обществе меркам, резонно предположить, что применение указанных видов наказаний направлено на возбуждение у виновного чувства стыда, раскаяния, осознания вины. Кроме того,

указанные виды наказаний реально способны обеспечить достижение цели специальной и общей превенции, о чем неоднократно говорилось в науке [38, с. 74].

Ввиду невнимания судов к данным видам наказания их карательно-исправительный и превентивный потенциал, по сути, остается не востребуемым*. Полагаем, что с целью изменения положения и привлечения к ним внимания правоприменителя необходимо соответствующим образом скорректировать отдельные уголовно-правовые положения и рекомендации высшей судебной инстанции.

Так, на наш взгляд, целесообразно ограничить дискреционные полномочия суда по назначению лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. В этой связи необходимо включить указанный вид наказания в качестве дополнительного в содержание тех уголовно-правовых санкций, где он отсутствует. В первую очередь это касается преступлений, совершаемых в профессиональной сфере умышленно, служебных и должностных преступлений. Например, санкции норм, устанавливающих ответственность за ряд преступлений против правосудия**, не содержат данного вида наказания, оставляя возможность его назначения на усмотрение суда. При этом нельзя не принимать во внимание, что позиция суда может испытывать влияние таких факторов, как «судейская корпоративная солидарность и традиционная замкнутость судебной системы» [15], «личные знакомства в руководящих кругах, подкуп должностных лиц, криминальные связи» [18].

Представляется, что изменения должны коснуться именно санкций соответствующих статей Особенной части УК РФ, а не общих положений статьи 47 УК РФ, поскольку, как отмечает П.П. Осипов, указанный вид наказания может быть назначен независимо от

наличия либо отсутствия непосредственной связи между преступным поведением виновного и выполняемыми им профессиональными функциями, когда «подсудимый утратил моральное право на выполнение трудовой функции, требующей высокого личного престижа, авторитета» [25, с. 90].

Внесение предложенных изменений, на наш взгляд, будет способствовать активизации назначения судами наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Что касается наказания в виде лишения специального, воинского звания, классного чина и государственных наград (статья 48 УК РФ), то, на наш взгляд, следует согласиться с мнением В.С. Минской, признающей неоправданной позицию законодателя в части невключения указанного вида наказания в санкции норм об ответственности за тяжкие и особо тяжкие преступления и возможности его назначения только по усмотрению суда [21].

Полагаем, что необходимо ограничить пределы судебного усмотрения путем включения указанного вида наказания в санкции норм об ответственности за тяжкие и особо тяжкие преступления со специальным субъектом.

Заслуживает внимания и следующее обстоятельство. Из изучения материалов судебной практики следует, что неприменение судами дополнительных наказаний даже при условии их указания в санкции нормы происходит за счет механизма смягчения назначенного наказания в связи с исключительными обстоятельствами, установленными в порядке статьи 64 УК РФ. Анализ судебной практики показывает, что в качестве таких обстоятельств выступают положительные характеристики по месту работы и месту жительства, уровень образования, отсутствие судимости и административных взысканий, вредных привычек, предыдущая общественно полезная деятельность, наличие малолетних детей, совершение преступления впервые и т. д.

В совокупности перечисленные обстоятельства действительно создают образ однажды оступившегося человека. Однако, как отмечают ученые, «к сожалению, судебная практика свидетельствует, скорее, об их типичности, нежели исключительности» [4, с. 9]. Тем более это справедливо в отношении специальных субъектов преступлений, большая часть которых заведомо может быть охарактеризована обозначенным выше образом. Поэтому их учет в качестве исключительных малопродуктивен

* При этом по мнению 82% опрошенных судей районных судов г. Перми активное применение наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью является необходимым условием противодействия должностной преступности и преступности в профессиональной сфере.

** Речь идет о преступлениях должностных лиц, осуществляющих судопроизводство: ст. 299 УК РФ «Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности», ст. 300 УК РФ «Незаконное освобождение от уголовной ответственности», ч. 2, 3 ст. 301 УК РФ «Незаконное содержание под стражу или содержание под стражей», ст. 302 УК РФ «Принуждение к даче показаний», ст. 305 УК РФ «Вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта».

в части противодействия преступной деятельности указанных субъектов.

Таким образом, правотворческая составляющая современной уголовной политики Российской Федерации в отношении преступлений со специальным субъектом характеризуется продолжающейся специализацией уголовного закона, что отражает стремление законодателя изменить ответственность за указанные деяния, как правило, в сторону ужесточения. Вместе с тем правоприменительную составляющую характеризуют избирательный подход при выявлении и регистрации соответствующих деяний и чрезмерно мягкая оценка содеянного. В этой связи ее можно определить термином «неформальная патологическая декриминализация», введенным С.М. Иншаковым: «Устранение наказуемости деяний — уголовный закон есть, но он по тем или иным причинам перестает работать», в то время как фактически общественно опасные деяния остаются [14, с. 59].

Очевидно, что правоприменительная составляющая современной уголовной политики России не соответствует социальным потребностям российского общества, переживающего разгул коррупции, должностного беспредела и реанимации права силы. Однако эта составляющая вполне отвечает кризисным характеристикам фактической

российской уголовной политики, описание которой, данное В.С. Овчинским, особенно актуально для рассматриваемого вопроса: «...С начала 90-х гг. строили... либеральную уголовную политику, которая игнорирует современную международную стратегию борьбы с коррупцией, базирующуюся на конфискации преступных доходов у коррупционеров и членов мафии, противодействии отмыванию «грязных» денег, поиске и возвращении похищенных активов» [24, с. 129]. На сословно-классовый характер современной уголовно-правовой политики России указывает С.Ф. Милуков, апеллируя к новеллам 2013 года, благодаря которым экономические преступники получили ряд законодательных «гарантий» лояльного отношения к ним правосудия [20].

Вследствие этого представляется неоправданным подход законодателя, предоставившего широкие возможности для судебного усмотрения при назначении наказания. Будучи «инертным» [31], оно, по-видимому, не способно выполнить задачи адекватной оценки общественной опасности отдельных видов преступлений и назначения соответствующей меры наказания. Именно поэтому необходимо принять меры к сужению судебного усмотрения, при этом не исключая его из практики судопроизводства вообще.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдеев В.А., Авдеева О.А. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации: основные направления совершенствования уголовного закона и оптимизации мер противодействия преступности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2014. — № 1. — С. 12–24.
2. Александров А.И. Государственно-правовая политика в сфере уголовного судопроизводства: состояние, проблемы, решения // Российский следователь. — 2008. — № 15. — С. 8–9.
3. Анисимов В.М., Королева Е.В. Характеристика личности виновного в преступлении как самостоятельное начало в назначении наказания // Российский следователь. — 2014. — № 1. — С. 32–35.
4. Артеменко Н., Тищенко Е. Назначение дополнительного наказания за получение взятки врачом // Уголовное право. — 2010. — № 1. — С. 9–12.
5. Бабаев М., Пудовочкин Ю. Концентрация репрессии как принцип уголовной политики // Уголовное право. — 2010. — № 4. — С. 109–115.
6. Бирик О.Н. Культурная обусловленность уголовного наказания. — М., 2013. — 224 с.
7. Быкова Е., Казаков А. Ответственность должностных лиц за нарушение конституционного права на свободу передвижения // Уголовное право. — 2014. — № 1. — С. 9–12.
8. Гай Е.В. К вопросу характеристики условно осужденных // Российский следователь. — 2014. — № 8. — С. 32–34.
9. Гальперин И.М., Мельникова Ю.Б. Дополнительные наказания. — М., 1981. — 120 с.
10. Голик Ю. Очередная модернизация Уголовного кодекса Российской Федерации // Уголовное право. — 2012. — № 2. — С. 29–35.
11. Голик Ю., Коробеев А. Прошлогодние трансформации уголовного закона: реплика // Уголовное право. — 2013. — № 2. — С. 16–17.
12. Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. — М., 2009. — 400 с.
13. Зыков Д.А., Шеслер А.В., Шеслер С.С. Понятие, формы и методы уголовно-правовой политики // Вестник Владимирского юридического института. — 2014. — № 1 (30). — С. 86–92.

14. *Инишаков С.М.* Криминология : учебник. — М., 2000. — 432 с.
15. *Князьков М., Рожнов А., Синельников А.* Об укреплении уголовно-правовых гарантий от злоупотребления судебной властью // *Власть*. — 2012. — № 11. — С. 152–156.
16. *Лесниевски-Костарева Т.А.* Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. — М., 2000. — 400 с.
17. *Лунеев В.В.* Проблемы противодействия экономической преступности // *Государство и право*. — 2014. — № 2. — С. 32–40.
18. *Марлухина Е.О.* Криминология. — М., 2007. — 372 с.
19. *Марцев А.И.* Диалектика и вопросы теории уголовного права // *Избранные труды*. — Омск, 2005. — 272 с.
20. *Милюков С.Ф.* Лжедемократизм российской уголовно-правовой политики // *Криминология: вчера, сегодня, завтра*. — 2014. — № 1. — С. 64–74.
21. *Минская В.* Проблемы регламентации института наказания // *Уголовное право*. — 2008. — № 2. — С. 48–53.
22. *Миньковский Г.М.* Правовая политика в сфере борьбы с преступностью и проблемы законодательного регулирования этой борьбы // *Труды Академии МВД Российской Федерации: проблемы формирования уголовной политики Российской Федерации и ее реализации ОВД*. — М., 1995. — С. 25–37.
23. *Мирошниченко Н.* Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью // *Уголовное право*. — 2014. — № 1. — С. 51–56.
24. *Овчинский В.С.* Криминология кризиса. — М., 2009. — 240 с.
25. *Осипов П.П.* Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций. — Л., 1976. — 134 с.
26. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации <http://mvd.ru> (дата обращения: 01.09.2017).
27. *Павлинов А.* Мониторинг эффективности применения уголовного наказания за преступления коррупционной направленности // *Уголовное право*. — 2011. — № 3. — С. 111–114.
28. *Панченко П.Н.* Управление применением уголовного законодательства как стратегия и тактика уголовной политики // *Проблемы юридической техники в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве : сб. науч. ст.* — Ярославль, 1996. — С. 104–112.
29. Пояснительная записка к проекту Концепции уголовно-правовой политики Российской Федерации // <http://www.gosbook.ru/node/56448> (дата обращения: 06.09.2017).
30. *Рагозина И.Г.* Отдельные вопросы пенализации налоговых преступлений // *Юристы-Правоведы*. — 2010. — № 2. — С. 35–37.
31. *Севастьянов А.П.* Проблемы судейского усмотрения при выборе наказания в рамках санкций // *Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права*. — 2014. — № 1. — С. 98–103.
32. *Сенякин И.Н.* Специализация и унификация российского законодательства (проблемы теории и практики) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Саратов, 1993. — 371 с.
33. *Смолькова И.В.* Штраф как мера наказания по советскому уголовному праву : учеб. пособие. — Иркутск, 1979. — 86 с.
34. *Соловьев О., Самойлов А.* Понятие дифференциации уголовной ответственности // *Уголовное право*. — 2006. — № 5. — С. 75–79.
35. *Тадевосян З.А.* Штраф как мера уголовного наказания по советскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1973. — 189 с.
36. *Хан-Магомедов Д.О.* Санкции уголовно-правовых норм и практика применения наказаний // *Вопросы борьбы с преступностью*. — М., 1976. — Вып. 25. — С. 67–77.
37. Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 23 апреля 2018 г.) // *Собрание законодательства РФ*. — 1996. — № 25. — Ст. 2954; Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.ru — 23.04.2018.
38. *Цветинович А.Л.* Дополнительные наказания: функции, система, виды. — Куйбышев, 1989. — 190 с.
39. *Цокуева И.М.* Уголовные наказания имущественного характера: виды, эволюция, перспективы : дис. ... канд. юрид. наук. — Краснодар, 1997. — 189 с.
40. *Шаргородский М.Д.* Наказание, его цели и эффективность. — Л., 1973. — 160 с.
41. *Шибутани Т.* Социальная психология / пер. с англ. В.Б. Ольшанского. — Ростов н/Д., 1999. — 544 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. *Avdeev V.A., Avdeeva O.A.* Konceptiya ugolovno-pravovoj politiki Rossijskoj Federacii: osnovnye napravleniya sovershenstvovaniya ugolovnogo zakona i optimizacii mer protivodejstviya prestupnosti // *Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta ehkonomiki i prava*. — 2014. — № 1. — С. 12–24.
2. *Aleksandrov A.I.* Gosudarstvenno-pravovaya politika v sfere ugolovnogo sudoproizvodstva: sostoyanie, problemy, resheniya // *Rossijskij sledovatel'*. — 2008. — № 15. — С. 8–9.
3. *Anisimov V.M., Koroleva E.V.* Harakteristika lichnosti vinovnogo v prestuplenii kak samostoyatel'noe nachalo v naznachenii nakazaniya // *Rossijskij sledovatel'*. — 2014. — № 1. — С. 32–35.
4. *Artemenko N., Tishchenko E.* Naznachenie dopolnitel'nogo nakazaniya za poluchenie vzyatki vrachom // *Ugolovnoe pravo*. — 2010. — № 1. — С. 9–12.

5. *Babaev M., Pudovochkin Yu.* Koncentraciya repressii kak princip ugolovnoj politiki // *Ugolovnoe pravo.* — 2010. — № 4. — S. 109–115.
6. *Bibik O.N.* Kul'turnaya obuslovlennost' ugolovnogo nakazaniya. — M., 2013. — 224 s.
7. *Bykova E., Kazakov A.* Otvetstvennost' dolzhnostnyh lic za narushenie konstitucionnogo prava na svobodu peredvizheniya // *Ugolovnoe pravo.* — 2014. — № 1. — S. 9–12.
8. *Gaj E.V.* K voprosu harakteristiki uslovno osuzhdennyh // *Rossijskij sledovatel'.* — 2014. — № 8. — S. 32–34.
9. *Gal'perin I.M., Mel'nikova Yu.B.* Dopolnitel'nye nakazaniya. — M., 1981. — 120 s.
10. *Golik Yu.* Ocherednaya modernizaciya Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii // *Ugolovnoe pravo.* — 2012. — № 2. — S. 29–35.
11. *Golik Yu., Korobeev A.* Proshlogodnie transformacii ugolovnogo zakona: replika // *Ugolovnoe pravo.* — 2013. — № 2. — S. 16–17.
12. *Zhalinskij A.Eh.* Ugolovnoe pravo v ozhidanii peremen: teoretiko-instrumental'nyj analiz. — M., 2009. — 400 s.
13. *Zykov D.A., Shesler A.V., Shesler S.S.* Ponyatie, formy i metody ugolovno-pravovoj politiki // *Vestnik Vladimirsogo yuridicheskogo instituta.* — 2014. — № 1 (30). — S. 86–92.
14. *Inshakov S.M.* Kriminologiya : uchebnik. — M., 2000. — 432 s.
15. *Knyaz'kov M., Rozhnov A., Sinel'nikov A.* Ob ukreplenii ugolovno-pravovyh garantij ot zloupotrebleniya sudebnoj vlast'yu // *Vlast'.* — 2012. — № 11. — S. 152–156.
16. *Lesniewski-Kostareva T.A.* Differenciaciya ugolovnoj otvetstvennosti. Teoriya i zakonodatel'naya praktika. — M., 2000. — 400 s.
17. *Luneev V.V.* Problemy protivodejstviya ehkonomicheskoy prestupnosti // *Gosudarstvo i pravo.* — 2014. — № 2. — S. 32–40.
18. *Marluhina E.O.* Kriminologiya. — M., 2007. — 372 s.
19. *Marcev A.I.* Dialektika i voprosy teorii ugolovnogo prava // *Izbrannye trudy.* — Omsk, 2005. — 272 s.
20. *Milyukov S.F.* Lzhedemokratizm rossijskoj ugolovno-pravovoj politiki // *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra.* — 2014. — № 1. — S. 64–74.
21. *Minskaya V.* Problemy reglamentacii instituta nakazaniya // *Ugolovnoe pravo.* — 2008. — № 2. — S. 48–53.
22. *Min'kovskij G.M.* Pravovaya politika v sfere bor'by s prestupnost'yu i problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya ehtoj bor'by // *Trudy Akademii MVD Rossijskoj Federacii: Problemy formirovaniya ugolovnoj politiki Rossijskoj Federacii i ee realizacii OVD.* — M., 1995. — S. 25–37.
23. *Miroshnichenko N.* Lishenie prava zanimat' opredelennye dolzhnosti ili zanimat'sya opredelennoj deyatel'nost'yu // *Ugolovnoe pravo.* — 2014. — № 1. — S. 51–56.
24. *Ovchinskij V.S.* Kriminologiya krizisa. — M., 2009. — 240 s.
25. *Osipov P.P.* Teoreticheskie osnovy postroeniya i primeneniya ugolovno-pravovyh sankcij. — L., 1976. — 134 s.
26. Oficial'nyj sajt Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii <http://mvd.ru> (data obrashcheniya: 01.09.2017).
27. *Pavlinov A.* Monitoring ehffektivnosti primeneniya ugolovnogo nakazaniya za prestupleniya korrupcionnoj napravlenosti // *Ugolovnoe pravo.* — 2011. — № 3. — S. 111–114.
28. *Panchenko P.N.* Upravlenie primeneniem ugolovnogo zakonodatel'stva kak strategiya i taktika ugolovnoj politiki // *Problemy yuridicheskoy tekhniki v ugolovnom i ugolovno-processual'nom zakonodatel'stve : sb. nauch. st.* — Yaroslavl', 1996. — S. 104–112.
29. Poyasnitel'naya zapiska k proektu Konceptii ugolovno-pravovoj politiki Rossijskoj Federacii // <http://www.gosbook.ru/node/56448> (data obrashcheniya: 06.09.2017).
30. *Ragozina I.G.* Otdel'nye voprosy penalizacii nalogovyh prestuplenij // *Yurist-Pravoved.* — 2010. — № 2. — S. 35–37.
31. *Sevast'yanov A.P.* Problemy sudejskogo usmotreniya pri vybore nakazaniya v ramkah sankcij // *Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta ehkonomiki i prava.* — 2014. — № 1. — S. 98–103.
32. *Senyakin I.N.* Specializaciya i unifikaciya rossijskogo zakonodatel'stva (problemy teorii i praktiki) : Avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — Saratov, 1993. — 371 s.
33. *Smol'kova I.V.* Shtraf kak mera nakazaniya po sovetskomu ugolovnomu pravu : ucheb. posobie. — Irkutsk, 1979. — 86 s.
34. *Solov'ev O., Samojlov A.* Ponyatie differenciarii ugolovnoj otvetstvennosti // *Ugolovnoe pravo.* — 2006. — № 5. — S. 75–79.
35. *Tadevosyan Z.A.* Shtraf kak mera ugolovnogo nakazaniya po sovetskomu ugolovnomu pravu : dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 1973. — 189 s.
36. *Han-Magomedov D.O.* Sankcii ugolovno-pravovyh norm i praktika primeneniya nakazaniy // *Voprosy bor'by s prestupnost'yu.* — M., 1976. — Vyp. 25. — S. 67–77.
37. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii : feder. zakon ot 13 iyunya 1996 g. № 63-FZ (v red. ot 23 aprelya 2018 g.) // *Sobranie zakonodatel'stva RF.* — 1996. — № 25. — St. 2954; Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii www.pravo.ru 23.04.2018.
38. *Cvetinovich A.L.* Dopolnitel'nye nakazaniya: funkcii, sistema, vidy. — Kujbyshev, 1989. — 190 s.
39. *Cokueva I.M.* Ugolovnye nakazaniya imushchestvennogo haraktera: vidy, ehvoluciya, perspektivy : dis. ... kand. yurid. nauk. 12.00.08. — Krasnodar, 1997. — 189 s.
40. *Shargorodskij M.D.* Nakazanie, ego celi i ehffektivnost'. — L., 1973. — 160 s.
41. *Shibutani T.* Social'naya psihologiya / per. s angl. V.B. Ol'shanskogo. — Rostov n/D., 1999. — 544 s.